

И.А. ШМЕРЛИНА

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СТАРШЕМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности возрастной самоидентификации людей старшего возраста с точки зрения обуславливающих ее факторов, а также последствий. Показано, что психологическое самоощущение возраста является самостоятельной переменной и лишь до некоторой степени определяется объективными социально-демографическими характеристиками, прежде всего — образовательным уровнем респондента, в меньшей степени — его реальным возрастом и материальным положением. Также показано, что возрастная самоидентификация вносит существенный вклад в организацию жизни и жизненные установки стареющего человека.

Ключевые слова: старость, возрастная самоидентификация, «молодые старики».

Возраст имеет не только физическое и биологическое, но также психологическое и социальное измерения. Культ молодости, присущий современной цивилизации, представляет собой кардинальную угрозу для стареющего общества, порождая соответствующие усилия по ее нейтрализации. Современное общество стремится встроить старость в вечно молодой поток жизни — от сомнительных попыток эстетической реабилитации пожилых дам на страницах модных журналов до поисков лекарства от старости. В этом же цивилизационном ряду — теоретические рефлексии социологов, отодвигающих старость к границе «четвертого возраста» [4; 5] и предложивших конструктор-оксюморон «молодые старики» [6].

Противоположная реакция социальных теоретиков на попытки закрепить в общественных практиках нормы вневозрастной идентичности и соответствующего ей идеала «молодости, не знающей возраста», нашла воплощение в концепции «либерализации старения», постулирующей преимущества зрелого возраста ([7], см. также: [1; 2]). Оппонируя концепции «либерализации от старения», ассоциируемой с недостойным, а главное, безнадежным бегством за молодостью, идея «либерализации старения» в целом выглядит чрезвычайно привлекательно, за исключением одного, но существенного изъяна —

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: 8 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@yandex.ru

она не дает убедительного ответа на вопрос: *о каких именно преимуществах старости перед молодостью может всерьез идти речь.*

Таков теоретический контекст, в котором будут рассмотрены особенности возрастной самоидентификации россиян, давно вышедших по всем принятым критериям за границы молодого возраста¹.

Тенденция психологического пребывания в состоянии молодости вплоть до весьма преклонных лет, характерная для современного западного общества, проявилась и в самовосприятии россиян². Моложе своего возраста чувствуют себя 64% респондентов; на свой возраст — 25%; старше своего возраста — лишь 7%; затруднились ответить на вопрос 5% (см. график 1).

График 1. Восприятие россиянами своего возраста

Социально-демографические и медико-биологические факторы в конструировании возрастной идентичности

Один из нетривиальных результатов исследования состоит в том, что молодое самовосприятие, если ориентироваться на статистические

¹ Исследование, посвященное изучению проблем россиян старшего возраста, проведено Центром методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (руководитель — Д.М. Рогозин). Генеральная совокупность исследования — россияне старше 44 лет. Метод сбора данных — телефонный опрос. Время проведения опроса — апрель 2013 г. Объем выборки — 1530 человек.

² Операциональным конструктом, использованным при сборе данных, выступил вопрос «Вы себя чувствуете на свой возраст, старше или моложе своих лет?», который помог выявить общую тенденцию психологического «застревания» на более ранних возрастных этапах.

критерии, весьма слабо зависит от социально-демографического статуса человека и, что гораздо интереснее, — вообще не зависит от его физического самочувствия. Основанием для такого вывода послужил дискриминантный анализ, позволивший оценить влияние соответствующих переменных на «запаздывающую» возрастную самоидентификацию³.

В процедуре дискриминантного анализа, результаты которого приводятся ниже, зависимой переменной выступала дихотомия «моложе своих лет» / «не моложе своих лет». Рассматривалось влияние восьми факторов — пол, возраст, образование, материальное положение, место жительства и тип поселения, субъективная оценка здоровья и наличие заболеваний, — чтобы отнести респондента к той или иной соответствующей группе («моложе» / «не моложе»).

Таблица 1

Показатели дискриминантного анализа

Переменные	Sig.	Нормированные коэффициенты канонической дискриминантной функции*
возраст	,000	,587
пол	,920	
образование	,000	-,623
материальное положение	,001	,355
география места жительства	,134	
тип поселения (город / деревня)	,041	
субъективная оценка здоровья	,028	
наличие заболеваний	,232	

* Переменные, включенные в анализ.

Анализ показал, что ни пол, ни поселенческие особенности, ни даже субъективное ощущение своего физического состояния не влияют на возрастную самоидентификацию (см. табл. 1). Из всех факторов, работающих на различение респондентов по интересующему нас признаку, наиболее весомым оказалось образование, потеснившее даже фактор реального возраста респондента. Чем выше уровень образования, тем чаще респондент оказывается в группе тех, кто «моложе». Фактор возраста оказывает обратное влияние: чем старше человек, тем чаще он входит в группу «не моложе». Действие фактора материального положения по направленности аналогично образованию, однако менее выражено.

³ Использован метод пошагового однофакторного дискриминантного анализа, входящий в пакет SPSS.18.

Таблица 2

**Результаты классификации респондентов
методом дискриминантного анализа***

Исходные распределения	Моложе / не моложе	Предсказанная принадлежность к группе		Итого
		моложе своего возраста	не моложе	
частота	моложе	627	348	975
	не моложе	262	293	555
%	моложе	64,3	35,7	100,0
	не моложе	47,2	52,8	100,0

* Правильно классифицировано 60,1% исходных сгруппированных наблюдений.

Рассмотрим соответствующие распределения по двум наиболее значимым параметрам — образование и возраст.

Возрастная самоидентификация и образование. Как следует из показанных выше результатов дискриминантного анализа, возрастное самоощущение человека в наибольшей степени определяется образованием. В том, что более образованные люди дольше остаются «молодыми» (см. график 2), есть своя правда и логика: они чаще сохраняют живой, любознательный интерес к миру, имеют больше возможностей для личностного самовыражения, в чем-то схожего с детской бескорыстной игрой.

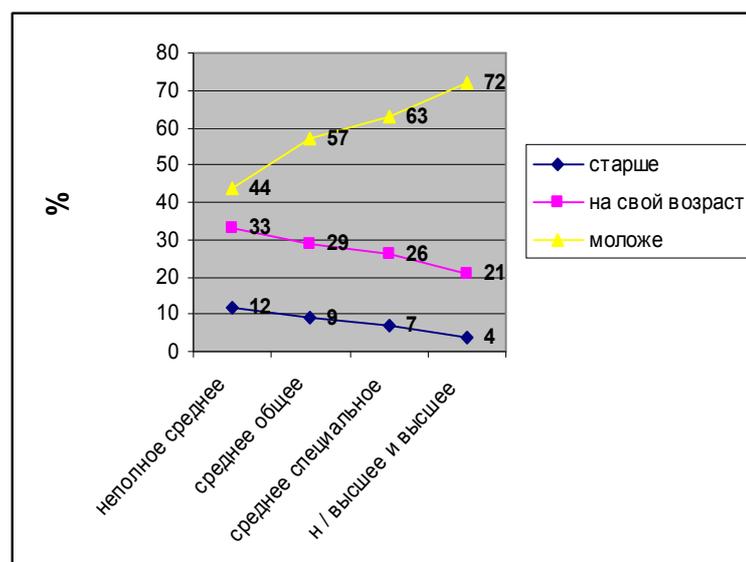

График 2. Возрастная самоидентификация и образование

Возрастная самоидентификация и реальный возраст. Самоощущение «попадания в свой возраст» до некоторой степени зависит также от реальной возрастной позиции, в которой находится респондент (коэффициент сопряженности — ,176, знач. — ,000; распределения см. в табл. 3).

Таблица 3

Возрастная самоидентификация и реальный возраст
(% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Вы себя ощущаете на свой возраст, старше или моложе своих лет?	Возраст							Все (N=1530)
	45–49 (N=281)	50–54 (N=291)	55–59 (N=284)	60–64 (N=276)	65–69 (N=139)	70–75 (N=154)	76–92 (N=105)	
на свой возраст	22	19	28	25	22	32	37	25
старше	8	6	6	7	5	10	7	7
моложе	69	72	63	63	64	52	48	64
затруднились ответить	2	3	4	4	9	6	9	5

Определим общие, довольно хорошо просматриваемые тенденции.

1. В целом, как уже отмечалось, моложе своих лет чувствует себя большинство респондентов (64%).

2. Доля подобных ответов превалирует во всех категориях опрошенных. Иначе говоря, самовосприятие представителей всех возрастных групп, практически «до последнего» — то есть до самого преклонного возраста — отличается смещением в сторону более молодого возраста.

При этом чем моложе человек, тем чаще он психологически задерживается на более ранней возрастной ступени (ответов такого рода среди респондентов, не перешагнувших границу 55-летнего возраста, — порядка 70%; среди «молодых пенсионеров» от 55-летнего до 69-летнего возраста — около 60–65%; начиная с 70-летнего возраста — около 50%).

Вплоть до самой последней возрастной группы (76–92 года) ответы «моложе своего возраста» составляют *статистическое большинство* (более 50%), и лишь в последней возрастной группе речь идет о *модальном значении* (48%).

3. Адекватное возрастное самовосприятие, в среднем характерное для четвертой части респондентов, заметно усиливается после 70 лет. В старших возрастных группах (70–75 лет, 76–92 года) около трети опрошенных чувствуют себя на свой возраст (32% и 37% соответственно).

4. Случаи психологического предвосхищения своего возраста («старше своих лет») встречаются редко (7%) — подобное самоощущение не зависит от реальной возрастной позиции, в которой находится респондент.

Позволим себе весьма смелое обобщение и скажем, что *средне-статистически* люди расстаются с «молодостью» после 75 лет. Именно на этом этапе жизни человек психологически приходит к своему возрасту и начинает осознавать, что он — старый. Этот вывод довольно точно соответствует теоретическому конструкту «старые старики» [6].

Возрастная самоидентификация и стиль жизни в пожилом возрасте. Центральная гипотеза описываемого исследования состояла в том, что психологическое самоощущение возраста (измеряемое в качественных категориях «старше своих лет» / «моложе своих лет» / «на свой возраст») вносит существенный вклад в организацию жизни стареющего человека.

В данном разделе мы рассматриваем возрастную самоидентификацию как *независимую переменную*. Таким образом, исследовательская задача переворачивается: она теперь состоит в анализе того влияния, которое оказывает психологическое восприятие возраста на особенности организации жизни и житейские установки респондента.

Практически по всем параметрам, включенным в исследование, молодое самовосприятие неслучайным образом сопрягается с высоким уровнем активности во всех сферах жизни — трудовой, сфере профессионального и личностного развития, досуговой, коммуникативной. Так, более половины представителей «молодой группы» (55%) продолжают трудиться, а многие из тех, кто не работает (42%), готовы вернуться в трудовой строй (см. табл. 4).

Таблица 4

Возрастная идентичность и трудовая активность

Параметры трудовой активности	Группы возрастной идентичности.			Все
	Вы себя ощущаете на свой возраст, старше или моложе своих лет?			
	моложе своих лет (N = 975)	на свой возраст (N = 383)	старше своих лет (N = 103)	
работают*	55	40	28	48
готовы работать**	42	35	31	39

* % от числа опрошенных в каждой группе возрастной идентичности (N = 1530; 69 респондентов затруднились оценить свой психологический возрастной статус).

** % от числа не работающих в каждой группе возрастной идентичности (N = 790; 44 человека не ответили на вопрос о возрастной самоидентификации).

Не сдаваясь возрасту, представители интересующей нас категории респондентов дружно признают способность пожилых людей к дальнейшему личностному развитию (82%; для сравнения — среди тех, кто ощущает себя на свой возраст или старше своих лет, — около 70%), а каждый второй представитель этой группы (51%) сам хотел

бы научиться чему-то новому, получить дополнительные знания или навыки (порядка 40% в группах сравнения).

Досуговая активность «молодых стариков» также выгодно отличается их от тех, кто психологически следует своему возрасту или опережает его: подавляющее большинство представителей анализируемой группы (84%) имеют любимые занятия (среди чувствующих себя на свой возраст и старше своих лет — 78% и 70% соответственно); более половины посещают разного рода культурно-развлекательные мероприятия (59%; в группах сравнения — 47% и 32% соответственно); ходят в лес собирать грибы и ягоды (63%; в группах сравнения — примерно половина опрошенных). Для представителей этой группы типично поддерживать себя в хорошей физической форме — 68% респондентов хотя бы несколько раз в неделю делают зарядку и занимаются спортом (среди чувствующих себя на свой возраст и старше своих лет — 57% и 55% соответственно).

Респонденты, ощущающие себя моложе своего возраста, довольно специфично ведут себя и в коммуникационной сфере. Более половины из них (53%) пользуются Интернетом, что позволяет квалифицировать данную группу как специфичную не только в количественном, но и в качественном отношении — как категорию людей, для которых присутствие в безграничном мире виртуальной информации становится составляющей повседневной жизни. Данная особенность их стиля жизни объективно сближает их с молодыми поколениями, знакомыми с виртуальным миром с самого раннего возраста и воспринимающими его не менее реальным и привычным, чем физический мир. Среди респондентов, чье самоощущение соответствует паспортному возрасту или опережает его, Интернетом пользуются 39% и 36% соответственно. Высокая коммуникационная активность «молодых респондентов» проявляется и в особенностях формирования их ближайшего круга общения: более половины из них (61%) в течение последних пяти лет приобрели новых друзей и знакомых (среди чувствующих себя на свой возраст и старше своих лет — 51% и 40% соответственно).

Возрастная самоидентификация и наличие заболеваний. Как подчеркивалось выше, возрастная самоидентификация весьма слабо связана с реальными медико-биологическими характеристиками состояния человека и может рассматриваться как самостоятельный параметр, вносящий существенный вклад в стиль жизни пожилого человека. Чтобы оттенить это обстоятельство, мы проанализировали ответы людей, имеющих, по их словам, серьезные заболевания, но при этом по-разному воспринимающих свой психологический возраст (фактор реального возраста во внимание не принимался). При этом нас интересовали два следующих параметра и соответствующие им гипотезы:

1) доля тех, кто несмотря на наличие заболеваний обладает высоким жизненным тонусом, отражением чего выступают реальная или

потенциальная включенность в трудовые отношения и установка на получение новых знаний и умений. Предполагается, что среди людей, чувствующих себя на свой возраст и тем более моложе, доли тех, кто несмотря на заболевания настроен на продолжение активной жизни, будут выше, нежели среди преждевременно состарившихся;

2) насколько существенны отличия в ответах респондентов, «диагностирующих» наличие у себя серьезных заболеваний, и тех, кто не отмечает таковых. Гипотеза состоит в том, что негативная возрастная самоидентификация подавляет возможности и перспективы, которыми потенциально располагает пожилой человек. Соответственно, для категории лиц «старше своего возраста» показатель связи (в данном случае — коэффициент сопряженности Пирсона), определяющий зависимость ответов от наличия или отсутствия заболеваний, должен оказаться ниже и/или менее значимым, чем для респондентов, чувствующих себя на свой возраст или моложе.

Полученные нами данные позволяют признать справедливость обоих предположений (правда, по отношению к гипотезе 2 — лишь частично). По всем параметрам, выбранным в качестве ключевых индикаторов, люди, чувствующие себя на свой возраст и тем более моложе, заметно чаще преждевременно состарившихся респондентов проявляют признаки «активной жизненной позиции» (табл. 5). Так, среди относительно «молодых» — несмотря на наличие заболеваний — продолжали трудиться на момент опроса 48% респондентов, среди чувствующих себя на свой возраст — 32%, среди ощущающих себя старше своих лет — 24%. Готовы вновь включиться в трудовую деятельность — 37%, 32% и 26% соответственно (доли от не работавших на момент опроса).

Если говорить об установке на развитие, то она выделяет прежде всего людей, остающихся психологически молодыми, что хорошо интерпретируется содержательно (см. доводы, приведенные выше). Люди, состарившиеся вовремя или преждевременно, относятся одинаково к перспективе дальнейшего обучения — будь то общая мировоззренческая позиция в отношении способности человека старшего возраста овладевать новыми знаниями и умениями или собственное желание продолжить обучение. Мнение о способности пожилых людей к дальнейшему обучению разделяют по 68% представителей каждой группы, о собственном желании продолжить обучение говорят по 40% опрошенных. Показатели для тех, кто «молод», — 80% и 48% соответственно.

Что касается дифференцирующей силы названных вопросов, разделяющих членов каждой группы на *больных* и *здоровых*, то она проявляется по-разному. Так, вопрос о продолжении трудовой деятельности лучше всего работает на различение внутри группы респондентов «старше своих лет» и, следовательно, гипотеза 2 опровергается. В то

же время другие вопросы ее подтверждают (табл. 5). Так, если реакция «молодых» респондентов на «предложение» возобновить трудовую деятельность в некоторой степени определяется наличием или отсутствием у них серьезных заболеваний (коэффициент сопряженности = ,161 при уровне значимости = ,003), то на ответы преждевременно состарившихся фактор состояния здоровья влияния практически не оказывает (sig. = ,452). Аналогичные тенденции (впрочем, очень слабые) просматриваются и в установках на продолжение обучения в старшем возрасте.

Таблица 5

Наличие заболеваний, возрастная самоидентификация и жизненные установки и практики (% позитивных ответов от людей с наличием заболеваний в каждой группе возрастной самоидентификации)

Показатели жизненной активности	Возрастная самоидентификация		
	моложе своих лет (N=558)	на свой возраст (N=255)	старше своих лет (N=85)
трудятся в настоящее время	48	32	24
<i>коэффициент сопряженности*</i>	,163 (sig. = ,000)	,228 (sig. = ,000)	,252 (sig. = ,010)
согласны на посильную работу**	37	32	26
<i>коэффициент сопряженности</i>	,161 (sig. = ,003)	,117 (sig. = ,211)	,148 (sig. = ,452)
признают способность людей старшего возраста к обучению	80	68	68
<i>коэффициент сопряженности</i>	,081 (sig. = ,046)	,049 (sig. = ,642)	,135 (sig. = ,398)
хотят учиться	48	40	40
<i>коэффициент сопряженности</i>	,061 (sig. = ,174)	,112 (sig. = ,095)	,053 (sig. = ,869)

* Коэффициент сопряженности дается по каждой группе возрастной самоидентификации, показывая глубину различий между ответами респондентов, страдающих серьезными заболеваниями и не имеющих таковых (согласно самооценке).

** Доли рассчитываются от тех, кто на момент опроса не работал.

Группа респондентов, ощущающих себя моложе своих лет, очень напоминает тех, кого исследователи называют «молодыми стариками». В следующем разделе представлен операциональный конструкт, позволяющий определить особенности этой категории людей.

«Молодые старики»: операциональный конструкт

В построении данного конструкта были использованы две переменные — возрастная самоидентификация (с вариантами *ощущаю себя на свой возраст / моложе / старше своих лет*) и представление о возрасте наступления старости.

Сегодня в общественном сознании конкурируют две точки зрения на старость, первая, традиционная, соотносит ее наступление с возрастом старше 60 лет, а вторая — с возрастом старше 70 лет (подробнее см.: [3]). Самоощущение возраста и представление о времени наступления старости — связанные между собой параметры. Те, кто чувствуют себя старше своих лет, склонны «омолаживать» старость, начинать ее еще в допензионный период жизни человека. Так, 27% представителей этой группы, отвечая на вопрос «Как вы считаете, с какого возраста начинается старость?», назвали возраст до 55 лет; в то время как среди чувствующих себя моложе своих лет или соответственно своему возрасту — только 10% (см. табл. 6).

Чувствующие себя на свой возраст или моложе отодвигают границу старости к более преклонному возрасту. В таблице 6 цветом показано статистическое накопление ответов до той качественной границы, когда можно говорить о мнении большинства. Для группы «старше своих лет» эта граница пролегает в диапазоне 60–64 года (75%). Консенсус во мнениях тех, кто чувствует себя на свой возраст, складывается по достижении диапазона 65–69 лет (57%) — именно на этом интервале достигается *мнение большинства* в среднем по выборке (54%). Среди тех, кто чувствует себя моложе своих лет, возрастным диапазоном, за который большинство предпочитает не опускаться, оказывается 70–74 года (75%).

Таблица 6

Возрастная идентичность и представление о возрасте наступления старости (% от числа ответивших на вопрос о возрасте наступления старости в каждой группе возрастной идентичности)

Как вы считаете, с какого возраста начинается старость?	Группы возрастной идентичности				Все (N = 895)
	Ощущают себя на свой возраст, старше или моложе своих лет				
	старше своих лет (N = 68)	на свой возраст (N = 261)	моложе своих лет (N = 532)	затруднились ответить (N = 34)	
до 49 лет	6	4	3	9	4
50–54 года	21	5	7	6	7
55–59 лет	13	12	6	24	9
60–64 года	35	29	23	32	26
65–69 лет	9	7	8	9	8
70–74 года	13	27	28	15	26
75–79 лет	0	4	8	3	6
80 и старше	3	12	17	3	14

В целом угадывается тенденция, дающая основание для теоретической типологизации установок в отношении старости. Первым из таких идеальных конструкторов будет тип «преждевременного ухода в старость»: он соответствует тем, кто чувствует себя старше своих лет, а наступление старости относит к *возрасту менее 60 лет*.

Те, кто чувствуют себя на свой возраст, часто воспроизводят традиционные представления о 60-летнем пороге старости (отражением чего является модальное значение, которое в данной группе приходится на диапазон 60–64 года — 29%).

Для тех, кто чувствует себя моложе своих лет, характерно смещение возраста старости на довольно преклонные годы: 53% представителей этой группы считают возможным говорить о старости начиная с 70 лет (в том числе 25% — начиная с 75 лет, 17% — начиная с 80 лет). Именно эта категория респондентов воплощает тенденцию, связанную с формированием особой социально-возрастной группы, названной западными социологами «молодыми стариками» [6].

Обратим внимание на высокую представительность данной категории. В нее вошли 280 человек из выборки в 1530 респондентов, то есть примерно каждый пятый респондент (18%). Что касается первой группы («преждевременная старость»), также заслуживающей внимания, — она оказалась слишком малочисленной, чтобы рассматривать ее даже в самом предварительном режиме (27 человек). Совокупность респондентов, в ответах которых нашли отражение стереотипные представления о старости («нормальные старики»), также недостаточна для уверенного анализа (94 человека), однако эта группа может служить фоном, оттеняющим мнения «молодых стариков».

Социальная специфика «молодых стариков» проявилась в вопросах, которые сегодня определяют социальный статус россиян. Это вопросы уровня образования и материального положения. Напомним, что именно эти параметры, наряду с возрастом, выделил дискриминантный анализ, классифицируя респондентов на группы «моложе своего возраста» / «не моложе своего возраста».

Уровень образования хорошо дифференцирует «молодых стариков» на фоне обеих групп, взятых для сравнения («нормальные старики» и выборка в целом) прежде всего по варианту «высшее и неполное высшее». Доля высокообразованных респондентов составляет в этой группе 40%, в то время как среди «нормальных стариков» — 26%, а по выборке в целом — 34%. В то же время, это смещение еще не позволяет квалифицировать «молодых стариков» как «интеллектуальную группу», поскольку высокообразованные респонденты отнюдь не составляют большинства ее состава, а модальное значение (42%) приходится на среднее специальное образование (доля тех, кто не поднялся над уровнем среднего образования, — 25%).

Стиль жизни «молодых стариков»

Как показано в предыдущем разделе, социально-демографический профиль «молодых стариков» отличается некоторым смещением в сторону материально благополучных и хорошо образованных респондентов. Однако эти отличия не носят принципиального характера и не позволяют говорить о «молодых стариках» как об особой, высокоспецифичной социальной группе.

Главные особенности «молодых стариков» связаны с повышенным уровнем социальной и личностной активности. Резюмируя представленный ниже анализ, а также учитывая критерии, по которым была выделена группа, следует подчеркнуть, что данная группа отражает не столько более или менее четко локализуемую социально-демографическую совокупность, сколько определенный стиль жизни, то есть специфицируется преимущественно по ментально-психологическим и поведенческим характеристикам.

Более половины представителей этой группы продолжают работать (54%); возможно, это как раз и есть фактор, формирующий их установки в отношении старости. Среди «нормальных стариков» трудятся только 34%. Хорошо известно, что именно прекращение трудовой деятельности и *выход на пенсию* является первой социальной коннотацией старости. Соответственно, продолжение трудовой биографии осознанно или подсознательно рассматривается человеком как важнейший заслон на ее пути.

Еще сильнее группу дифференцируют вопросы, индицирующие установки на личностное развитие. Подавляющее большинство «молодых стариков» (88%) убеждены, что люди старшего возраста не теряют способности учиться (среди «нормальных стариков» — 66%, по выборке в целом — 77%); более половины (57%) лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания и навыки (в группе «нормальных стариков» — 40%, по выборке в целом — 47%). Последний вопрос отражает *качественную специфику* группы «молодых стариков», позволяя делать выводы в категориях *статистического большинства*. Уместно говорить, что «молодых стариков» отличает установка на профессиональное и/или личностное развитие, в то время как для «нормальных стариков» она не характерна. В контексте настоящего исследования данный параметр интерпретируется как важнейший атрибут социальной молодости, и неслучайно демаркационная линия между «молодыми» и «нормальными» стариками пролегает именно по данному вопросу.

Досуг «молодых стариков» более насыщен и интересен, чем у их «нормальных» сверстников. Они чаще представителей фоновых групп имеют увлечения, ходят на зрелищные мероприятия, выбирают на природу. Кроме того, их отличает повышенный уровень физической активности (см. табл. 7).

Таблица 7

Досуговая активность (% от числа опрошенных в каждой группе)

Показатели	Молодые старики (N = 280)	Нормальные старики (N = 94)	Все (N = 1530)
имеют любимое занятие, увлечение	86	78	81
ходили за последний год в музей, театр, кино, на спортивные или культурные мероприятия	63	46	53
ходили в прошлом году за ягодами или грибами в лес	64	52	59
делают несколько раз в неделю зарядку, занимаются спортом	72	60	64

Коммуникационная активность — еще одна сфера, дифференцирующая стиль жизни «молодых стариков». Важно отметить, что с точки зрения круга общения, сложившегося в предыдущие периоды жизни, они практически не отличаются от фоновых групп: друзья, с которыми поддерживается регулярное общение, есть у подавляющего большинства «молодых стариков» (97%), «нормальных стариков» (93%) и средневыворочных (93%). В то же время вопрос о *новых друзьях*, появившихся в течение пяти последних лет, выделяет «молодых стариков»: положительно на него ответили 62%, в то время как в группе «нормальных стариков» — только 45%, по выборке в целом — 56%.

Вопрос об использовании Интернета обладает еще более сильным дифференцирующим свойством, и здесь можно говорить не только о количественных, но и о качественных отличиях. «Молодые старики» — это группа, большинство представителей которой пользуются Интернетом (56%), в то время как в фоновых группах соответствующая доля не дотягивает до половины (среди «нормальных стариков» — 34%, по выборке — 46%).

Самооценка здоровья — еще один параметр, выгодно отличающий «молодых стариков»: три четверти представителей этой группы оценивают свое здоровье как хорошее (76%); «нормальные старики» к подобным оценкам прибегали заметно реже — в 52% случаев, по выборке в целом — 61%. Любопытно, что вопрос о болезнях — более объективный по своему смыслу параметр — обладает меньшей дифференцирующей силой: наличие заболеваний, серьезно осложняющих жизнь, довольно часто констатируют как «нормальные старики» (65%), так и «молодые старики» (56%), по выборке — 61%.

Заключение

Ювеноцентричность современной цивилизации имеет множество проявлений; одно из них — психологическое стремление людей поведенчески и эмоционально удержаться в возрасте, от которого они

давно ушли в биологическом смысле. Исследование, результаты которого приведены в настоящей публикации, подтверждает существование в российском обществе феномена «запаздывающей» возрастной самоидентификации. Большинство — 64% — россиян воспринимают себя моложе паспортных лет. При этом ни пол, ни поселенческие особенности, ни даже субъективное ощущение своего физического состояния не оказывают существенного влияния на возрастную самоидентификацию.

Главный фактор — впрочем, лишь *в некоторой степени* определяющий особенности возрастной самоидентификации, — это уровень образования. Люди, имеющие высокий образовательный статус, дольше остаются субъективно молодыми, и этот вывод убедителен как в цивилизационном плане (поскольку почти все современные тренды находят выражение прежде всего в стиле жизни образованной категории населения), так и в некоем «этологическом смысле»: эти люди дольше сохраняют свойственное молодости живое отношение к миру.

От психологического ощущения возраста во многом зависит, как человек организует свою жизнь в старости, и это проявляется во всех сферах его жизнедеятельности — трудовой, коммуникационной, досуговой. Оно влияет и на само представление о возрасте наступления старости — те, кто чувствуют себя молодо, склонны не признавать старость как минимум до 70 лет. В западной социологии данная категория пожилых людей, отличающихся активным, молодым модусом самовосприятия и организации жизни, осмыслена в концепте «молодые старики» [6]. В социологическом плане особенно интересно то, что названная категория отражает не столько социально-демографическую совокупность с более или менее четко фиксируемыми объективными параметрами (к ним не относится даже уровень образования — по крайней мере, в случае российских «молодых стариков»), сколько определенный стиль жизни, характеризующийся высоким уровнем жизненной активности, заинтересованным отношением к миру, установкой на личностное развитие и легким отношением к старости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогозин Д.М.* Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
2. *Шмерлина И.А.* Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 165–175; № 4 (116). С. 71–83.
3. *Шмерлина И.А.* Альтернативы возрастной идентификации старости // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 1 (в печати).
4. *Laslett P.* A fresh map of life: The emergence of the third age. London: Weidenfeld and Nicolson, 1989.

5. *Laslett P.* What is old age? Variation over time and between cultures // Health and Mortality among Elderly Populations / Ed. by G. Caselli and A. Lopez. New York: Oxford University Press, 1996. P. 21–38.
6. *Neugarten B.L.* Age groups in American society and the rise of the young old. Political consequences of aging // Annals of the American Academy of Social and Political Science. 1974. Vol. 415.
7. *Vincent J.* Old age. London, New York: Routledge, 2003.

I.A. SHMERLINA

(**Shmerlina Irina Anatol'evna** — candidate of sociology, Institute of Sociology, RAS. **Address:** 117218, Moscow, Krzhizhanovskogo st., 24/35, bl. 5. **Telephone:** +7 (499) 120-82-57. **E-mail:** shmerlina@yandex.ru)

PECULIARITIES OF AGE SELF-IDENTIFICATION IN THE LATE ADULTHOOD

Summary: The age self-identification of elderly persons is considered in the article from the viewpoint of conditioning factors as well as its consequences. It is shown that the psychological feeling of age is an independent variable and is only to some extent defined by objective social and demographic characteristics, educational level of the respondent first of all, and his real age and financial position to a lesser extent. Age self-identification makes an essential contribution to the organization of life and attitudes of aging person. The research argues soundly that active eventful life in elderly age is not western social phenomenon only, but also the Russian one.

Keywords: old age, age self-identification, “the Young Old”.

REFERENCES

1. *Rogozin D.M.* Liberalizacija starenija, ili trud, znanija i zdorov'e v starshem vozraste // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 4. S. 62–93.
2. *Shmerlina I.A.* Liberalizacija starenija: teoreticheskie illjuzii i jempiricheskie anomalii // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2013. № 3 (115). S. 165–175; № 4 (116). S. 71–83.
3. *Shmerlina I.A.* Al'ternativy vozrastnoj identifikacii starosti // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2014. № 1 (v pechati).
4. *Laslett P.* A fresh map of life: The emergence of the third age. London: Weidenfeld and Nicolson, 1989.
5. *Laslett P.* What is old age? Variation over time and between cultures // Health and Mortality among Elderly Populations / Ed. by G. Caselli and A. Lopez. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1996. P. 21–38.
6. *Neugarten B.L.* Age groups in American society and the rise of the young old. Political consequences of aging // Annals of the American Academy of Social and Political Science. 1974. Vol. 415.
7. *Vincent J.* Old age. London and New York: Routledge, 2003.